

Вырезка из газеты

СТРОИТЕЛЬНАЯ
ГАЗЕТА

г. Москва

10 ИЮН 1983

ЖИЗНЬ—ЭТО ДЕРЗАНИЕ

Так считают актеры Московского театра имени Ленинского комсомола, так считает их главный режиссер, заслуженный деятель искусств РСФСР Марк Анатольевич Захаров. И не эта ли жизненная позиция сделала в последние годы таким популярным этот театр?

Времени для нашего разговора у Марка Анатольевича было немного, и я напросился просто провести вместе с ним один день. Мол, выдастся минутка — поговорим.

— Марк Анатольевич, вот говорят, современный театр... Но ведь нет в наше время театров современных. Все стремятся слушать дух времени. Но почему одни театры любимые, а другие нет? В чем секрет? Каким же должен быть театр наших дней?

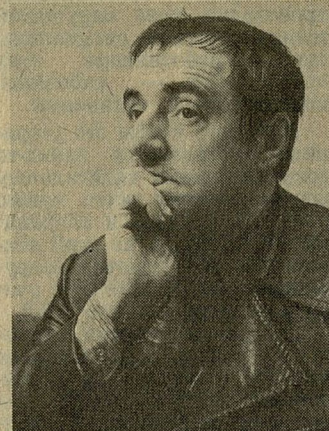
— Прежде всего он должен быть разным. И по жанрам, и по способам донести до зрителя свою мысль. Думается, уже ушло время, когда один театр был драматическим, другой комедийным, третий музыкальным. Уже больно жесткие темпы предлагает нам время, чтобы театры могли, имели право хранить былые традиции специфики. И я думаю, что вообще в нашем театральном искусстве должно быть много разных коллективов, ищущих новые способы выразительности. Тогда мы сможем разносторонне исследовать мир, расширить, так сказать, амплитуду нашего поиска. Вот потому мы и стремимся играть в нашем театре разноплановые спектакли, ищем способы расширить нашу амплитуду. Вот, наверное, и ответ на ваш вопрос — это должен быть театр в поиске, поиске рискованном, смелом...

— Но ведь есть, скажем, в вашем театре главная тема, тема, вокруг которой и идет этот поиск?

— Главная наша тема — становление личности. И адресована она, конечно же, к молодым, но не только к ним. Выхода из юного возраста, мы ведь не перестаем строить себя, свою личность, свой характер. Несколько неточна, на мой взгляд, формула «сформировавшийся характер». Наверное, это человек, усвоивший определенные привычки, но характер... Каждый день предлагает нам новые обстоятельства, новые условия жизни — и, конечно же, меняются наша реакция, наше поведение. Так при чем здесь характер? Да, мы строим себя всегда, но у молодых есть безусловное преимущество — они молоды! Им даны природой максимализм, могучий, нерастратенный заряд энергии, активность, наступательность по отношению к тому, что впереди, что задумано. Им дано, я бы сказал, даже некое неприятие всяких готовых, выработанных родителями и предложенных им форм, и в этом неприятии, быть может, есть гарантия нашего роста... Я вернулся к театру — мне это ближе и понятнее. Ведь посмотрите, все хорошие театры начинались именно с неприятия готовых форм. И МХАТ, и «Современник», и Театр на Таганке, да мало ли их! Впрочем, это касается не только театра. Это залог движения вообще.

— Да, но традиции-то сопротивляются?

— Правильно, они и должны сопротивляться. Ведь эта самая «готовая форма», традиция — это не плохо. Она ведь тоже была выработана людьми с доброй волей, людьми, стремящимися исправить то, что было ошибкой прошлого. То есть традиции есть что защищать. И важно, чтобы молодые в своем наступательном порыве не выплеснули бы вместе с водой младенца. И это очень интересное современное, очень жесткий, но необходимый процесс. Вот Маркс говорил: «Подвергай все сомнению!». Именно «сомнению», но не отрицанию же... А чтобы развиваться, надо внедрять новые идеи, и пусть они встречают сопротивление, пусть. Но ведь новое обязательно победит, ес-

ли оно разумно, если без него трудно развиваться. Вспомните бригадира строителей Потапова из известной пьесы Гельмана. Да, его идея, его свод правил, как надо работать, как строить свои взаимоотношения на работе и в жизни, тоже встречают сопротивление, причем весьма неглупых людей с довольно сильной, казалось, даже и убедительной аргументацией. И все же...

— А вы уверены, что в каждом человеке, решившем принести людям свою идею, свое «новое», достанет сил побороть сопротивление традиции?

— Ну, знаете, если идея есть в тебе и вправду и ты убежден, что она сослужит добрую службу людям, то ты просто и права не имеешь не найти в себе эти силы. Они есть, эти силы, и чем больше доброй энергии в твоей идее, тем больше этих сил. Только не опускать руки. Мы ведь исповедуем диалектику, а значит, надо, должны стремиться к вечному, непрекращающемуся восхождению. Тут важен сложный, постепенный набор энергии, силы.

— Для вас, насколько я знаю, этот набор силы, энергии начался с работы в самодеятельности?

— Ну, скажем, так: и в ней тоже. Я вообще к самодеятельности отношусь довольно серьезно, стараюсь всерьез задумываться над разными аспектами достижений, которые рождаются в среде современных самодеятельных драматических коллективов, студенческих, рабочих. Там могут рождаться очень интересные, серьезные художественные идеи, которые способны в значительной степени обогатить профессиональное театральное искусство. Я на своем примере, собственным становлением себя как режиссера убедился, что без студенческого театра, без занятий со студентами, без общения с ними режиссер из меня не получился бы.

Думается, верно поступают конструкторы, когда, собираясь проектировать что-то совсем новое, дают чистый лист бумаги еще и дилетанту. Талантливый дилетант может породить прекрасную, новую, сумасшедшую и вместе с тем живую идею, какая и не придет в голову профессионалу: тот слишком хорошо знает правила и законы своего дела, а потому многого и не видит... И думаю, что рождение многих замечательных спектаклей, вот, скажем, такого, как «История лошади» в Ленинградском БДТ, связано с работой Марка Розовского в студенческом театре и с тем набором театральной дерзости и идей, которые он так умеет аккумулировать, собирать и рождать и с этим смело выходить за пределы правил. Я потом открыл текст толстовского «Холстомера» и понял: не работай я в самодеятельности, мне бы и в голову не

пришло, что можно задумать и сделать этот спектакль.

Несколько лет назад мне довелось побывать на БАМе, и я провел один вечер в коллективе самодеятельного театра поселка Кичера — театра «Молодая гвардия» бригады Бондаря. Знаете, там была какая-то особая атмосфера, как бы это сказать... атмосфера большой внимательности. Люди необыкновенно бережно относились друг к другу. Может быть, потому, что людей там меньше, кругом тайга, кругом снега. Но это, конечно, не серьезное предположение. Часто мы в наших больших городах равнодушно скользим взглядом по человеку, а там я вдруг заметил какие-то цепкие, внимательные глаза людей, почувствовал какой-то особый дух этого вечера — с шутками, песнями, рассказами: что-то рассказывали мне, что-то рассказывал я...

— Уж коли вы вспомнили тот вечер в Кичере... Как вы думаете, трудная работа у ребят из бригады Саши Бондаря на укладке пути и работа их в созданном ими театре — они нужны, они помогают друг другу?

— Бесспорно. И успех их театра, успех работы этой бригады — успех долгий, стабильный — результат такого добавления, я думаю. Ведь согласитесь, театр — это продолжение жизни: ну, может быть, в несколько приподнятом, что ли, тоне. А когда в этом театре актеры еще и коллеги, когда жизнь каждого видна как на ладони, и проявляется еще и в другой, не театральной работе, то это, с моей точки зрения, прекрасно!

Я искренне позавидовал, как принято говорить, «белой завистью» режиссеру театра «Молодая гвардия» Анатолию Байкову: ему ведь приходится наблюдать своих актеров в часы «пик» жизненного напряжения — шутка ли, они ведут укладку рельсов БАМа, то есть им дано завершить самый сложный технологический процесс рождения таежной магистрали. Это трудная работа, но особенно сложна она, как мне кажется, эмоциональными нагрузками. Они должны обязательно с блеском делать свое дело, чтобы не смазать работу всех тех, кто прошел по тайге до них. И он, их коллега и режиссер, Анатолий Байков, умеет поймать своих актеров на этом самом эмоциональном взлете, помочь каждому запомнить свое состояние, чтобы перенести его на сцену.

— Марк Анатольевич, а не кажется вам, что если вернуться к тем мальчикам и девочкам, которые сейчас «строят» себя, то стоит поговорить о том, какое они имеют право на самих себя, на борьбу за себя. Какова мера этого права? Вот вы говорили о максимализме...

— Думаю, человек имеет право на критическое начало, на определенный максимализм в суждениях, что человек, даже если он еще не умеет что-то создавать, но в нем сидит здоровое критическое начало, если он подвергает что-то сомнению и умеет это обосновать, — то уже одним этим он делает благое дело. Нужное для человека, для общества, для коллектива. А когда удастся какое-то движение, какой-то поступок, я думаю, это очень отражается на формировании человека.

Мысль формирует человека. Моя собственная мысль, мои собственные помыслы, они меня формируют, создают и мое лицо, и мои глаза, и мою улыбку. Я становлюсь нужным людям, становлюсь человеком, излучающим некий заряд доброты и энергии, позитивной, такой благотворной энергии.

А живем мы в очень сложное время, нас мучают комплексы, сознательные и бессознательные, и молодой человек, который начинает свою жизнь, испытывает большое беспокойство. Найти свое место под солнцем не просто. Вот мы с удовольствием работали над пьесой «Жесткие игры» Арбузова. Она посвящена вот этим первым шагам, тем стандартным ошибкам, неким жестким играм, в которые человек иногда пускается в ущерб себе и своим близким. И вот снять эти комплексы, почувствовать себя человеком нужным и добрым, почувствовать себя творцом своей жизни и жизни твоих близких людей — очень важная, бесконечно важная задача, бесконечно важная проблема.

Беседу вел А. МАРКОВИЧ.